

М. А. Протопопов

Жертва безвременья

(Повести г-на Антона Чехова)

Ты должен знать,

Что время делает людей.

Шекспир

...тощий плод, до времени созрелый,

Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, пришлец осиротелый,

И час их красоты -- его паденья час.

Лермонтов

I

"Будь только человек добр, его никто отразить не в состоянии". Это один из многочисленных и большею частью удачных афоризмов, которые любил вставлять Тургенев в свои произведения. На первый взгляд, этот афоризм -- не более, как парадокс, придуманный какою-нибудь мягкой душой для своего собственного успокоения. Доброта как орудие и даже *неотразимое* орудие борьбы, -- какая сентиментальность! Борьба посредством собственных боков -- какая наивность! Уступчивость и кротость как средства благого воздействия на людей -- какая аркадская идиллия! В этой жизни, где "человек человеку -- волк", где идея солидарности и братства между людьми представляется какою-то бессильной утопией, где, по слову поэта, кипит "вечная, бесчеловечная вражда-война", -- провозглашать среди таких условий доброту души как верховный принцип, значит просто идти против природы людей, забывать о том естественном чувстве самосохранения, которое свойственно всем людям и даже всем живым существам без исключения.

Однако вот другой крупный авторитет наш -- Хвоцинская-Заиончковская, в одном из последних романов которой мы встречаем такой афоризм: "Для того, чтобы быть правым, нужно прощать бесконечно". Читатель видит, что это не более, как перифраз мысли Тургенева, с оттенком, пожалуй, некоторой экзальтации, столь вообще свойственной женской натуре. Совпадение этих афоризмов не случайно, и они были высказаны их авторами не легкомысленно, не для фраз, не для красоты слога, а как бы в виде краткого резюме всего того житейского опыта и того глубокого проникновения в душевные тайники людей, которыми так богаты были и Тургенев, и Хвоцинская. Как же быть нам, читателям, доверяющим руководству этих светил нашей литературы? Сомневаться в искренности и продуманности их показаний мы не можем и не смеем. С другой стороны, мы не можем не повиноваться голосу своего разума и своего внутреннего чувства, которые решительно отказываются усвоить это успокоительное учение, в его полном объеме, по крайней мере. Мы не можем уподобиться тому читателю, про которого рассказывала горбуновская старуха: "Намедни Володя читал умную книжку, да после стал у ворот, да всякому, кто ни пройдет, мужик ли, барин ли, всем в ноги кланялся, плачет да кланяется: "Простите, говорит, меня окаянного. Книжка уж такая. Все, говорит, мое сердце растопилось". Ведь даже эта старуха,